

ТЕНЬ ЗА ПРАВЫМ ПЛЕЧОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КРИСТЕН ЛЕРО

18+

18+

Кристен Леро

Тень за правым плечом

«Автор»

2026

Леро К.

Тень за правым плечом / К. Леро — «Автор», 2026

Когда хаос становится работой, единственный способ выжить - навести порядок. Бухгалтер Элис Грейсон думала, что знает о цифрах всё. Но чтобы отомстить за отца, ей предстоит освоить главный курс: выживание в криминальном Чикаго эпохи Сухого закона. След ведёт в картель «Эль Тигре». Полиция бессильна: система куплена, и единственный шанс добыть улики - отправить Элис внутрь. Под прикрытием она становится личным бухгалтером Винсента Корелли - харизматичного и безжалостного лидера картеля. Между ними вспыхивает опасная связь: каждый разговор — шахматная партия, каждое прикосновение может стать последним. Между ними вспыхивает опасная связь, ставящая под угрозу всю операцию. Теперь Элис пешка в игре двух хищников: одержимого ею гангстера и хладнокровного детектива, отправившего её на задание. Чтобы выиграть, ей придётся нарушить все правила. Ведь в этом городе нет хороших парней. Есть только выжившие.*все персонажи вымышленные. Любое совпадение случайно. Без исторической достоверности.

© Леро К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Отголоски, которые тянут назад	7
Глава 2 Кузница легенды	10
Глава 3 Архитектор хаоса	13
Глава 4 Проект Чистота	18
Глава 5 Ржавчина на серебре	23
Глава 6 Саут-Сайдский блюз	26
Глава 7 Эхо в пустом кабинете	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кристен Леро

Тень за правым плечом

Пролог

Чикаго притворяется спящим гигантом, завалившимся в грязную подворотню после закрытия баров. Под подошвами моих дешёвых туфель хлюпает коктейль из талого снега, рвоты и контрабандного виски. Для меня этот город всегда был неудавшимся уравнением, где дебет никак не хотел сходиться с кредитом. Но его бетонное сердце билось в такт грохоту печатных станков в подвалах и глухим ударам кастетов о челюсти в переулках Саут-Сайда. Этот ритм я слышу каждый день за своим столом в конторе «Миллер и сыновья».

Меня зовут Элис Грейсон. Мне двадцать пять. В бухгалтерских книгах я - невидимка. Цифра в ведомости, строка в отчёте. В жизни я серая мышь в очках с роговой оправой и юбке ниже колен. Мои светлые волосы цвета спелой пшеницы я безжалостно стягиваю в тугую хвост на затылке. Но за этой неприметной внешностью скрывается ум, отточенный до бритвенной остроты на колонках цифр. И этот ум уже несколько месяцев бился над одной проблемой: цифры не сходились.

Огромные суммы утекали по фиктивным контрактам на поставку арматуры для несуществующих строек. Это было личное оскорбление для моего внутреннего компаса. Двадцать лет назад мой отец, Джон Грейсон, пытался доказать то же самое, я находила его записи. Его машина слетела с дороги. Полиция назвала это несчастным случаем. Я называю это дебетом, который так и остался неоплаченным. Эти семь миллионов — мой балансый отчёт. И я намерена его свести.

Тот вторник пах озоном после короткого осеннего ливня и дешёвым кофе из автомата — единственным приятным ощущением перед тем, как мой мир рухнул.

Они вошли без стука. Два тёмных силуэта заполнили проём, отсекая тусклый свет из коридора. Первый был горой мышц с шеей шире головы, типичный вышибала из подпольного казино с пустым взглядом человека, который не понимает, что он здесь делает. Вторым был Том Харпер. Я знала его по делу о пропавшей соседней девочке. От него веяло опасной грацией хищника, экономящего каждое движение. Дорогой двубортный костюм сидел на нём так же идеально, как броня на рыцаре.

— Мисс Грейсон?

Его голос был низким и ровным. Не вопрос. Утверждение.

— Полиция Чикаго. Нам нужно поговорить. Наедине.

Они затолкали меня в переговорную — маленькую стеклянную коробку без окон с прикрученным к полу столом.

— Садитесь.

Я упала на стул так резко, что ножки скрипнули по линолеуму. Он остался стоять, нависая надо мной. Его тень легла на меня, как саван. Затем он выбросил руку вперёд и положил ладонь на стол в дюйме от моей дрожащей руки.

— Я знаю о вашем личном расследовании, мисс Грейсон. О таблице в миллионы долларов... Вы использовали стандартную формулу амортизации для разовых контрактов... Разница всего в полпроцента, но она вывела нас прямо на вас. А папка под названием «Квантовая механика для чайников», которую добыли наши люди... Проверка биографий сузила круг до одного кандидата.

Мой мозг, идеальный механизм для работы с цифрами, дал сбой.

Полпроцента. Какая ирония.

Всю жизнь я искала ошибки других ценой в миллионы, а погорела на ничтожной доле вероятности.

Воздух стал густым и тяжёлым.

— Нам нужен человек внутри картеля «Эль Тигре». Им не плевать на бухгалтерию. Поэтому нам нужен тот, кто понимает цифры... И вы подходите идеально.

Паника ледяными пальцами сжала моё горло.

— Нет!

Слово вырвалось раньше, чем я успела подумать.

— Это безумие! Я даже стрелять не умею! Моя мать больна...

Харпер наклонился ещё ниже:

— Именно поэтому мы здесь...

Я говорила, чтобы выиграть время, прощупать границы их блефа.

Воздух стал настолько осязаемым, что хотелось прокашляться.

И тут я услышала звук позади себя...

Тихий щелчок взводимого курка.

Второй мужчина обошёл стол и встал прямо за моим стулом. Холодный металл ствола пистолета коснулся моего затылка. Волосы на голове встали дыбом. Харпер даже не моргнул.

— Вот что такое настоящая защита, Элис. Либо ты внутри системы и контролируешь хаос... либо ты снаружи — и твой труп найдут утром в сточной канаве.

Он сделал паузу, давая звуку последнего слова повиснуть в воздухе.

— Выбор прост. Три секунды. Две...

— Хорошо... — прошептала я.

Пистолет убрали. Харпер улыбнулся одними уголками губ.

— Добро пожаловать в игру.

Глава 1 Отголоски, которые тянут назад

Воздух пах остывающим асфальтом и гниющей листвой. Чикаго смыл с себя дневную грязь ливнем, и теперь город блестел в свете фонарей, как мокрый бок раненного зверя.

Каждый шаг отдавался гулким эхом в голове. Разговор в стеклянной коробке не изменил мою жизнь. Он выдернул меня из неё, словно гнилой зуб из воспалённой десны.

«Эль Тигре». Фиктивные счета. Протокол «Альфа».

Я пыталась запихнуть этот ужас в папку и задвинуть её на дальнюю полку сознания, но она была слишком тяжёлой, а полка хлипкой. Мне нужно было домой. Почувствовать под ногами хоть что-то твёрдое, прежде чем я потеряю опору навсегда.

Дом встретил меня запахом яблочного пирога и маминых духов «Шанель 5». Запах безопасности. Моего мира, доживавшего последние минуты.

— Элис! Пирог почти готов! Решила порадовать тебя перед своим отъездом. Через час нужно быть в больнице, буквально 10 минут и за мной заедет дядя Роберт.

Мать стояла у плиты, помешивая тесто. На руках старые перчатки для выпечки.

— Привет, мам.

Я обняла её за плечи, пытаюсь запомнить тепло её тела. Придётся солгать ей в лицо.

— Да, спасибо. Очень вкусно пахнет.

Она нахмурилась:

— Что с тобой? Ты выглядишь такой уставшей.

— Просто много работы. Сегодня вечером уезжаю в командировку. На три месяца.

Мать долго смотрела на меня. В этом молчании было больше вопросов, чем в самом громком крике. Наконец она кивнула:

— Ладно. Будь осторожна. И позвони сразу, как доберёшься.

Я прижалась к ней, вдыхая родной запах.

— Обещаю. Иди, мам, там уже дядя ждёт.

Оставшись одна, я рухнула на кровать. Я плакала не от страха перед будущим. А от понимания, что эта встреча была последней нормальностью в моей жизни.

Скоро останутся лишь грязь, обман и постоянный страх.

Мой взгляд упал на фотографию: маленькая Элис с плюшевым медведем. Потеряла его в семь лет. Помнила только свет фар, крик и сильные мужские руки...

Во входную дверь постучали. На пороге стоял Том Харпер. Его взгляд выражал не тревогу за меня, а досаду от возможной неудачи операции.

— Нужно поговорить.

Я молча прошла вглубь дома, разрешая ему войти.

— Ваша жизнь закончилась сегодня в два часа дня, — отрезал он, окидывая комнату взглядом оценщика. — Той Элис Грейсон больше нет. Думаете, можно заварить чай с ромашкой и лечь спать?

Он повернулся ко мне. Взгляд человека, видящего не уют, а уязвимость.

— Милое гнёздышко. Идеальная декорация для идеальной жертвы. «Эль Тигре» — это не бухгалтерские крысы. Это стая волков. Они чувствуют страх за милую. И сожрут вас, выплюнув косточки, ещё до того, как вы успеете передать нам первую папку.

Меня начала бить слабая дрожь, но я заставила себя выпрямиться.

— Я справлюсь! Я знаю цифры!

Харпер медленно подошёл вплотную. Говорил тихо, отчего становилось только страшнее.

— Цифры? Их волнует власть. Страх. Кровь. Вы будете сидеть в кабинете с видом на озеро Мичиган и считать миллионы, отмытые через борделю. А за стеной будут кричать люди, которым ломают пальцы. Вы готовы к этому звуку? К этому запаху?

Его голос стал могильным холодом:

— Без подготовки вы сломаетесь за неделю. Когда это случится, они придут сюда. Сначала убьют вашу мать, чтобы вы смотрели. А потом сделают с вами такое, от чего вы сойдёте с ума ещё до смерти. Ваш ум там бесполезен.

Комната поплыла. Я ухватилась за кресло.

— Прекратите...

— Нет! — рявкнул он так, что я вздрогнула всем телом. — Вы должны понять цену ошибки! Я предлагаю сделку с дьяволом! Единственный шанс выжить, это делать в точности то, что я говорю!

Он нависал надо мной, как скала. Я сползла в кресло, закрыв лицо руками.

— Я не могу... Я не хочу умирать...

Внезапно всё стихло. Харпер смотрел на меня сверху вниз с холодным интересом биолога, изучающего редкий вид насекомого.

— Никто не говорит о смерти, мисс Грейсон. Я говорю о выживании. Вы боитесь? Хорошо. Страх заставит вас быть внимательной. Соберитесь.

Он бросил на столик бархатный футляр.

— Это ваше новое лицо. И ваша броня.

Дрожащими пальцами я открыла его. Изумруды и золото на тёмном бархате.

— Что это?

— Ваша легенда требует статуса. Носите их так, будто они достались от прабабушки-герцогини.

Рядом лёг толстый конверт.

— Здесь пять тысяч на расходы. Несколько тысяч матери — скажете, отпускные. За её больницу мы уже заплатили от вашего имени.

Я посмотрела на деньги и драгоценности как на ядовитых змей.

— Я не могу это взять...

Харпер вздохнул и опустился передо мной на одно колено. Наши глаза оказались на одном уровне. Его взгляд был абсолютно пустым.

— Слушайте внимательно. Повторять не буду. Это не подарок. Вы возьмёте это не потому, что я прошу. Вы возьмёте это, потому что это ваш единственный шанс не сойти с ума прямо сейчас. Это иллюзия контроля. Броня против хаоса.

Он разжал мои пальцы над футляром.

— Возьмите. Почувствуйте вес золота. Это реально. Это твёрдо. Ваше оружие в мире теней.

Логика была пугающе безупречной. Я сомкнула пальцы на металле и бумаге. В этом безумии только это и было настоящим.

Том видел эту перемену: панику сменила сосредоточенность человека, нашедшего точку опоры.

— Вот так, — удовлетворённо кивнул он и встал одним плавным движением. — А теперь едем смотреть вашу новую квартиру.

Новое пристанище находилось в небоскрёбе из стекла и бетона в Лупе. Поднявшись на девятый этаж, он протянул мне связку ключей.

— Это ваше жильё. Будете здесь спать, отдыхать... если выходные будут.

Всепоглощающий ужас уступил место сосущей пустоте.

— Спасибо... Том.

Я впервые назвала его по имени. Он посмотрел на меня своим сканирующим взглядом, в котором на мгновение не стало холода конвоира.

— Я уверен, вы справитесь, Элис, если будете следовать протоколу до последней запятой. А я всегда буду рядом.

Это не было дружелюбием. Это было признание факта: он — единственный мост между мной и пропастью безумия.

Он протянул блокнот с инструкцией:

— Выучите это так же хорошо, как таблицу умножения. Вечером я буду у вас к семи.

— Том... если я почувствую...

Он прервал меня жестом:

— Вы ничего не почувствуете до момента, как станет слишком поздно чувствовать что-либо, кроме боли или страха смерти. Поэтому вы будете действовать строго по инструкции.

Когда он развернулся к лифту, я сделала единственное, что могла: коснулась рукава его пальто. Том замер и медленно обернулся. В его глазах читался немой вопрос. Он посмотрел на мою руку так, будто я сделала что-то странное.

А затем накрыл её своей ладонью. Сухое, горячее прикосновение без капли нежности. Но в нём было больше смысла, чем в часе рыданий: «Я знаю твой страх».

Он тут же убрал руку.

— Заходите внутрь. Под ковриком найдёте чек-лист безопасности и револьвер 38 калибра. Научитесь разбирать его вслепую к концу недели... если хочется жить долго... Дверь лифта закрылась. Я осталась одна.

Передо мной была дверь моей новой жизни: пять тысяч долларов наличными и револьвер под ковриком. Сердце колотилось уже не от страха. Оно стучало от осознания простого факта: человек из полиции Чикаго только что признал во мне равного партнёра по этому самоубийственному делу. И это пугало больше всего остального.

Я вставила ключ в замочную скважину.

Глава 2 Кузница легенды

Следующий месяц пролетел в водовороте лжи, тренировок и трансформации.

Если первая встреча с Харпером была ледяным душем, то последующие тридцать дней стали настоящим крещением огнём, которое выжгло Элис Грейсон дотла. Из пепла восстала Алисия Валенсиано.

Квартира превратилась в учебный класс, тир и камеру для допросов.

Ровно в семь вечера тяжёлая дверь распахивалась, впуская запах озона и дорогого табака — визитную карточку Тома Харпера.

— Повтори легенду о Майами. Без запинок. Особенно про скандал.

Его голос звучал как скальпель.

— Я... я окончила экономический колледж в Майами-Бич. Скандал с деканом...

— Громче! Ты мямлишь!

Я выпрямилась, заставляя себя смотреть ему в глаза.

— Скандал с деканом Фишером. Он пытался шантажировать меня, используя давление моего отца на мои оценки, чтобы... склонить меня к интимной близости...

— К сексу. Говори нормально. К сексу.

— К сексу, да. Когда я отказала, он пригрозил завалить меня на выпускных экзаменах и испортить репутацию семьи. Я собрала доказательства его домогательств и пригрозила предать их огласке через газеты отца. Он отступил, но среди студентов репутация моя пострадала, поэтому я решила переехать на север.

Том долго молчал, постукивая пальцами по колену.

— В этом есть стержень. Гордость. Ты не жертва. Запомни это чувство. Теперь ты не бухгалтерша. Ты женщина, поставившая на место похотливого ублюдка. Повтори. И я повторяю. Пока слова не перестали жечь язык стыдом и не начали звучать как гимн моей несуществующей силы.

Через неделю началось знакомство со смертью в миниатюре.

— Это твоя страховка, — сказал он, выкладывая на стол свёрток.

Звук удара металла о дерево заставил вздрогнуть. Внутри лежал револьвер.

— Не прикасайся. Сначала теория. Он достал блокнот. — Выучишь схему разборки к завтрашнему вечеру. Вслепую. Ошибка может стоить жизни.

Обучение было мучительным. Пальцы были слишком тонкими для грубой механики оружия. Детали падали, закатываясь под холодильник.

На третий день, когда бессилие готово было перерасти в истерику, Том сел рядом на пол. Наши плечи почти соприкасались.

— Дай сюда, — мягко сказал он, забирая оружие.

Его огромные ладони накрыли мои руки. Контраст был пугающим: смертоносная сталь казалась игрушкой.

— Чувствуешь вес? Баланс. Не бойся его. Он должен стать продолжением твоей воли.

Под его руководством дело пошло быстрее. К концу недели я могла разобрать и собрать его вслепую.

К середине второй недели формальности рухнули.

Однажды вечером, закончив спарринг, мы тяжело дышали в гостиной.

— Называть тебя «мисс Грейсон» абсурдно, — хрипло сказал Том, стягивая перчатки. — Мы здесь одни. Никаких свидетелей.

Это прозвучало как новый приказ.

— Зови меня Том.

Уроки изменились.

Дистанция, которую он так яростно оберегал в первые дни, начала таять.

Он по-прежнему был моим наставником, но теперь уроки проходили иначе. Вместо того чтобы сидеть друг напротив друга за столом, мы могли стоять плечом к плечу у окна, глядя на ночной город.

Вскоре привычный уклад дал сбой. Я изучала схемы порта, когда дверь открылась ровно в семь ноль-ноль. На пороге стоял Том с двумя стаканчиками кофе. Он молча протянул мне один. Картон обжёг ладонь холодом, инородный предмет в стерильном мире моего обучения.

— Спасибо... Том.

Он лишь кивнул, проходя в комнату. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на выбившейся пряди волос.

— Этот костюм сидит идеально. Держи спину прямо. Алисия помни: ты требуешь уважения, а не выпрашиваешь.

От этих слов перехватило дыхание. «Алисия». Он начал называть меня новым именем. Принятие. Моё лицо осталось бесстрастным.

Наши вечера превратились в диалог двух умов. Он рассказывал о мире мафии, я осмелела и задавала вопросы о нём самом.

— Жизнь научила, — обычно отвечал он, уходя от ответа, но во взгляде читалось холодное любопытство аналитика.

Поздно вечером, проверяя протоколы связи, он заметил мою усталость.

— Хватит на сегодня, — неожиданно жёстко сказал он. — У тебя синяки под глазами.

Это был приказ, замаскированный под заботу. Я подняла удивлённый взгляд.

— Да, наверное, ты прав, — прошептала я.

Он уже шёл к двери, но остановился:

— Завтра идём на стрельбище. Научишься попадать в цель. Мне плевать, если будешь плакать или блевать от отдачи. Три пули в центр мишени с десяти ярдов к концу недели. Нам уже нужно заканчивать.

Дверь закрылась. Мысль о том, что он будет стоять рядом, вызывала азарт охотника.

На следующий день Том приехал на сером седане. Всю дорогу молчали — сосредоточенная тишина солдат перед операцией.

Полигон оказался бетонным ангаром, пропахшим порохом. Инструктор окинул меня скептическим взглядом.

— Бабе тут делать нечего, — буркнул он, протягивая наушники.

Первый выстрел заставил подпрыгнуть. Грохот ударил по ушам, отдача едва не вывихнула кисть. Пуля ушла в «молоко». Том встал позади меня. Его тело стало живой стеной. Он накрыл мои руки своими.

— Локоть мягче. Не зажимайся. Оружие это продолжение твоей воли, а не враг, — его низкий голос вибрировал у самого уха.

Я сделала ещё выстрел. К концу часа руки дрожали, но последняя серия легла кучнее.

— Уже лучше, — скупно похвалил Том.

Для него это звучало громче любых дифирамбов. Когда мы вышли, уже темнело. Вместо дома он повёл меня в закусочную через дорогу.

Внутри пахло жареным луком и пластиком. Мы сели в дальний угол. Весь вечер он разговаривал со мной исключительно как с Алисией.

— В Майами ты часто ходила в такие места?

— Нет... отец считал, что девушка должна знать толк в хорошей кухне.

— Твой отец был умным человеком. А этот декан... Фишер. Ты действительно дала ему отпор?

Я посмотрела ему в глаза.

— Да. Я никогда не была жертвой, Том.

Он долго смотрел на меня. На мгновение маска инструктора сползла.

— Я знаю, — тихо ответил он. — Именно поэтому ты всё ещё жива.

Проводив меня до дома, он остановился у лифта. В полумраке коридора его фигура заполняла собой всё пространство. Я чувствовала тяжесть его присутствия, словно давление воды на глубине.

— Завтра важный день, — сказал он ровным тоном, глядя поверх моего плеча. — Мы начинаем прорабатывать связи с портом. Тебе нужно быть собранной. Выспись.

Это была констатация факта. Дверь лифта закрылась, отрезая меня от него.

Всю ночь я систематизировала хаос. Легенда была безупречной. К рассвету паника выгорела, оставив одну мысль: надо выжить.

Утро наступило. Я надела серьги и браслет. Холод металла обжёг кожу.

Это была моя броня. Я оделась в строгий костюм. Трансформация завершилась. Перед зеркалом стояла уверенная хищница.

Пальцы машинально поправили воротник. Этот жест не принадлежал старой Элис. Взгляд упал на револьвер. Уравнитель. Право голоса.

Взяв сумочку, я переложила туда ключи, связник и наличные. Операционные расходы. Документы на имя Алисии Валенсиано легли во внутренний карман.

Всё.

Глубокий вздох.

Для кого-то это был просто новый день. Для меня же первый день войны. Элис Грейсон умерла. Сегодня утром осталась только Алисия Валенсиано. Бухгалтер мафии.

Я закрыла дверь квартиры. В лифте я не смотрела на своё отражение. Стоя неподвижно и сжав кулаки так, что ногти впивались в ладони, я мысленно сказала себе, что всё будет хорошо.

Тяжесть брони я чувствовала физически — холодный вес золота и непривычная тяжесть револьвера в сумочке.

Лифт опускался, а напряжение внутри росло.

Глава 3 Архитектор хаоса

Кабинет пах властью. Не порохом или дешёвым одеколоном, а сложной смесью запахов дорогой кожи, трубочного табака «Редман» и стерильной чистоты, которая стоит целое состояние. Резкий аромат после грозы был тревожным фоном.

Я замерла на пороге, позволяя массивной дубовой двери закрыться за мной с мягким щелчком пневматического замка. Этот звук поставил окончательную точку в моей прошлой жизни.

Винсент Корелли стоял у окна спиной ко мне. Он не сидел за столом. Он владел пространством, стоя неподвижно, словно высеченная из льда скульптура хищника перед прыжком. Его силуэт был чётко очерчен серым утренним светом. На нём был безупречный костюм-тройка из тонкой английской шерсти. Жилет подчёркивал атлетичную фигуру. Волосы зачёсаны назад с идеальной точностью, открывая тонкий шрам через бровь. Но главное глаза. Два осколка зимнего неба, в которых отражался лишь собственный интеллект и сила.

— Мистер Корелли. Прошу прощения за опоздание. Пробки на Мичиган-авеню были невыносимы. Я сочла более разумным сохранить покрывки автомобиля, чем пытаться выиграть несколько минут.

Это был тон равного профессионала.

Он медленно повернулся. Движение было тягучим, лишённым суеты. Взгляд сканировал меня, инвентаризируя актив: губы, жемчуг, ткань пальто, серьги. Я стояла абсолютно неподвижно. Моё сердце билось ровно.

Тишина затянулась. Для Алисии Валенсиано это была рабочая пауза.

— Садитесь, — наконец произнёс он.

Голос низкий, с хрипотцой курильщика.

Приказ.

Он обогнул стол и опустился в кресло-трон. Я села напротив, расправив юбку-карандаш. Спина прямая, подбородок чуть приподнят. Корелли нажал кнопку селектора. Секретарша внесла кофе и исчезла бесшумно.

— Итак, мисс... Валенсиано. Луис Мартинес рекомендовал вас. Мне плевать на рекомендации старика. Меня интересует результат. Докажите, что вы стоите своих денег. Покажите, как вы собираетесь упорядочить этот беспорядок.

Он подтолкнул ко мне через весь стол картонную папку. Расстояние — метра три. Бросок перчатки. Намёк. Я поднялась, подошла к столу, взяла папку и вернулась на место. Внутри лежал хаос: выписки, накладные, квитанции.

Десять секунд анализа. Для меня это была симфония цифр.

— Ваша система учёта уязвима. Любой аудитор вскроет эти схемы за неделю. Потoki наличности пересекаются со счетами легальных компаний слишком часто. Создаётся паттерн. А паттерны — это смерть для вашего бизнеса. Кроме того, ваши доверенные лица воруют. По мелочи. Сам факт говорит о гниении структуры. Если крысы начинают жрать сыр, значит, мышеловка уже нерентабельна.

Впервые на лице Корелли промелькнуло нечто похожее на эмоцию. Интерес охотника.

— Продолжайте, — приказал он тихо.

Я подвинула чистый лист бумаги и достала перьевую ручку «Паркер». — Первое: изолировать финансовые потоки. Три независимых контура. Операционный, инвестиционный, резервный. Смешивать их нельзя. Каждый контур должен иметь свои каналы и операторов. Далее. Вам нужен новый пул подставных фирм. Забудьте про строителей. Нужно что-то скучное. Например, сеть прачечных-химчисток. Огромный оборот наличности. Абсурдно? Да. Именно поэтому работает. Никто не станет проверять счета за стирку скатертей.

Я закончила рисовать схему и подвинула лист к нему.

— Это займёт полгода. Потребуется полная замена бухгалтерии и аудит всех контрактов. И да, вам придётся уволить пару человек. Их имена я предоставлю через две недели доступа к книгам.

Тишина достигла пика напряжения. Корелли медленно взял листок. Он не посмотрел на схему. Он продолжал смотреть на меня. Пауза затягивалась. Наконец, он отложил бумагу.

— Вы интересный экземпляр, мисс Валенсиано. Холодная. Расчётливая. Бесстрашная. Или глупая настолько, что не осознаёте, куда попали.

Он встал одним резким движением. Я осталась сидеть, следуя этикету силы.

— Луис прислал мне бриллиант. Оправленный в сталь. Что ж...

Он обошёл стол и остановился в паре шагов от меня, отбрасывая длинную тень.

— Вы приняты. Оклад вдвое выше рынка. Работать отсюда. Мой помощник Рико отвезёт вас в банк. Приступаете сегодня же.

Он протянул руку. Контакт был кратким, сухим и сильным. В этот момент я поняла: я прошла проверку.

— И ещё кое-что... — добавил он, отпуская мою руку.

Его взгляд стал колючим. Температура в комнате упала.

— Никогда... больше... не... опаздывайте. Время — единственный ресурс, который я не могу купить. Растрата моего времени это личное оскорбление. Второе опоздание будет последним.

— Я поняла, мистер Корелли.

Он кивнул. Аудиенция окончена.

— Рико ждёт снаружи, Давайте пообедаем и далее можете работать.

Обед был продолжением проверки, перенесённой в другую плоскость. Винсент молчал всю дорогу до ресторана в подвале неприметного здания. Молчание было густым, осязаемым. Оно давило сильнее любых слов.

Нас провели в отдельную кабинку. Он снял пальто. Впервые за день его взгляд потерял сканирующую остроту, сменившись острым интересом исследователя.

— Оставим формальности. Почему Чикаго?

— Конкуренция меня не пугает. Холод заставляет двигаться быстрее. В Майами все ленивы. Здесь люди умирают на улицах, пока другие делают состояния. Город крайностей. Цифры в условиях абсолютного хаоса становятся либо оружием, либо причиной краха. Я предпочитаю быть оружием.

На его лице промелькнуло одобрение. Изгиб брови, блеск в глазах.

— Настоящая власть — это контроль. А контроль невозможен без порядка. Даже самый жестокий беспорядок должен подчиняться строгой внутренней логике.

Принесли еду. Я ела механически.

— Ваш текущий штат ведёт учёт постфактум. Это работа архивариуса. Я предлагаю систему прогнозирования. Налоговая всегда опаздывает. Они смотрят на след, а мы будем управлять самим движением.

Корелли прожевал и проглотил, не сводя с меня взгляда.

— Вы говорите не как бухгалтер. Вы говорите как генерал.

Я позволила себе выдохнуть. Я прошла проверку.

— Бухгалтерия язык реальности. А реальность поле боя.

Он улыбнулся. Хищный огонёк в глазах. Улыбка акулы, нашедшей партнёра.

— Мне нравится ваша самоуверенность. Пока она подкреплена делом, это достоинство. Завтра утром хочу увидеть детальный план по прачечным.

Вернувшись, он остановился в дверях моего кабинета.

— И ещё кое-что. Когда мы одни, называйте меня Винсент.

Он ушёл. Я посмотрела на графики. Я стала архитектором хаоса.

День клонился к вечеру. Солнце окрасило небо в багровый цвет, словно Чикаго утопал в крови. Я стояла у окна своего кабинета, глядя на улицу, когда дверь распахнулась без стука.

— Пора, — бросил Рико, появляясь в проёме. — Банк ждёт.

Я кивнула. В отличие от нашего первого путешествия в этом автомобиле, сегодня я села на переднее сиденье. Сигнал. Я больше не гость в его мире.

Автомобиль мягко тронулся с места. Винсент вёл сам. Его руки на рулевом колесе были белыми от напряжения. Он не смотрел на меня.

— Не нервничай, — процедил он сквозь зубы. — Банкир это собака на коротком поводке. Он знает, что если гавкнет не в тот момент, его голова окажется на тарелке.

Я промолчала. В горле стоял ком. Я не боялась банков. Я боялась того, что происходило со мной, странный интерес заполнил мои мысли.

Банк находился в неприметном кирпичном здании в районе Голд Кост. Никаких кричащих вывесок. Обычная дверь с бронзовой ручкой, ведущая в другой мир.

Швейцар узнал Винсента издалека. Он не просто открыл дверь — он распахнул её настежь, как придворный лакей перед королём. Его руки тряслись так сильно, что он едва не выпустил ручку.

— Мистер Корелли! — в голосе управляющего банка звучала смесь страха и подобострастия. — Мы получили ваше распоряжение. Всё готово.

Мы прошли в отдельный кабинет. Деревянные панели, кожаная мебель, антикварный письменный стол. Здесь пахло старыми деньгами.

Управляющий, мужчина в возрасте, очки в золотой оправе, нервные руки, расстелил перед нами документы. Его пальцы дрожали так, что бумага под ними мелко вибрировала.

— Мы подготовили учредительные документы для трёх новых компаний, как вы указали. «Чикагская клининговая компания», «Вест Сайд логистикс» и «Грейт Лейкс капитал». Все счета открыты. Все печати готовы.

Я отметила, как управляющий каждые несколько секунд украдкой бросал взгляд на Корелли. Винсент же не смотрел на него. Он просто стоял, опершись о спинку кресла, но этого хватало, чтобы банкир покрывался испариной.

— Показывайте, — бросил Винсент, не повышая голоса.

Я подошла к столу. Без дрожи. Я знала эти цифры лучше, чем своё имя.

— Первая фирма — прачечные. Основной источник наличности.

Я брала бланк за бланком, объясняя схему.

— Вторая — грузоперевозки. Третья — инвестиции. Все три компании полностью автономны. Перекрытия исключены.

Винсент молча слушал. Его палец барабанил по крышке стола. Это был не обычный ритм, это был метроном, отсчитывающий чьи-то последние дни.

— Подписывайте, — бросил он управляющему.

Тот подписал. Я подписала. Винсент приложил к документам свою личную печать — герб с изображением тигра.

Я заметила, как управляющий вздрогнул, когда увидел эту печать. Его рука дрогнула, и подпись смазалась. Управляющий вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Его рука, державшая ручку, дрожала так сильно, что подпись получилась кривой. Он попытался исправить её, но чернила растеклись по бумаге, как кровь по белой салфетке.

— Простите, сэр... — пробормотал он, вытирая вспотевшие ладони о брюки.

Лицо его приобрело землистый оттенок. Винсент не отреагировал на ошибку. Он просто молча смотрел на него, и этого взгляда оказалось достаточно, чтобы управляющий содрогнулся.

— Ещё раз, — тихо сказал он.

Управляющий подписал снова. Быстро, нервно, словно боялся, что краска не успеет высохнуть.

— И последнее, — Винсент достал из внутреннего кармана конверт с крупной купюрой. — Эти деньги пойдут на открытие счетов. И помните: любая информация об этих компаниях это билет в один конец.

Он не повышал голос. Он просто смотрел на банкира. Тот побледнел так сильно, что его лысина приобрела зеленоватый оттенок.

— Конечно, сэр. Абсолютно конфиденциально.

Я наблюдала за этой сценой с отстранённым интересом. Другие люди боялись его. Я нет. Я видела не монстра, а партнёра. Партнёра, который играл по своим правилам, и сейчас я писала эти правила для него.

Автомобиль мягко тронулся. Я смотрела в окно на огни города. В зеркале заднего вида я увидела, как управляющий банка крестится, глядя на удаляющийся Кадиллак.

Воздух в салоне был густым от напряжения. Я повернулась к Винсенту.

— Вы его напугали до смерти.

— Это не страх, — ответил он, не отрывая взгляда от дороги. — Это уважение. Те, кто меня боится, уже мертвы.

Вернувшись в небоскрёб «V.Corelli Holdings», я заметила, что кадиллак Рико ждал на парковке.

— Рико отвезёт вас домой, завтра без опозданий.

Он развернулся и быстро скрылся в дверях небоскреба.

Когда я села на переднее сиденье вместо заднего, брови Рико дрогнули.

— За день взлетела высоко. Босс не каждого зовёт. Сразу на обед.

— Я здесь не для банкетов.

— Здесь не работают. Здесь выживают. Оступишься и станешь удобрием.

Больше он не сказал ни слова. Молчание стало густым, как кровь на асфальте.

Воздух в квартире был затхлым. На кухонном столе лежала моя папка. Знак. Том был здесь.

Я швырнула сумочку на диван и заметила в кресле у окна тлеющую сигарету. Оранжевая точка пульсировала в темноте.

— Ты мог бы включить свет.

Тени шевельнулись.

— Ждал три часа. Ты не вышла на связь.

Я слотнула ком в горле. Внезапно комната поплыла перед глазами - графики Корелли, ледяные глаза Рико, стейк с кровью, что теперь стоял комом в желудке. Ноги подкосились. Комната поплыла. Я не помнила, как он оказался рядом. Только ощущение грубой ткани его рубашки под щекой. Том замер.

Его тело напряглось, как у зверя в капкане. Рука с сигаретой застыла в воздухе. Молчание длилось вечность. Затем его свободная рука коснулась моих волос. Шершавые пальцы. В груди у него что-то клокотало.

— Дыши, — прохрипел он.

Сигарета упала на пол, рассыпав искры. Потом он резко отстранился. Холодный воздух ворвался между нами.

— Чай, — бросил он, направляясь на кухню. — Крепкий. С коньяком.

Он стоял у плиты. Как обычно не многословный. Кипяток хлопнул в кружку, смешиваясь с коньяком. Ровно три ложки. Я сидела за столом. Пар поднимался спиралью.

Я говорила отрывисто:

— Корелли... прачечные... цифры... Рико...

Каждое слово падало, как гильза на бетон. Том пил свой чай стоя, глядя в чёрное окно. В его кружке не было коньяка.

— Отдыхай, — вдруг сказал он, ставя пустую кружку в раковину со звоном. — Я пойду.

Он уже был в дверях.

— Том... Не переживай, — слова вырвались шёпотом.

Он замер. Поворот головы всего на три градуса.

— Не надо, — ответила я твёрже.

Мой ноготь отколол кусочек лака.

Дверь закрылась с тихим щелчком. Кружка остывала. За окном щёлкнул затвор пистолета. Я поднесла ладони к лицу — они пахли чужим табаком и порохом.

Глава 4 Проект Чистота

Бухгалтерия картеля — это не отдел. Это улей. И я была шершнем, влетевшим в него по ошибке.

Мой кабинет, смежный с общим залом через стеклянную перегородку, стал для меня аквариумом. Я видела всё: как миссис Хиггинс, чье лицо напоминало печеное яблоко, демонстративно отсчитывает сдачу монетами, чтобы заглушить стук клавиш; как клерки перешептываются, прикрываясь папками с надписью «ВЫРУЧКА».

Враждебность здесь была не открытой. Она была вязкой, как смола, и липла к подошвам при каждом шаге.

Около одиннадцати утра дверь моего кабинета распахнулась с такой силой, что ударилась о стопор. На пороге стоял Рико. В его огромных руках был не портфель, а небольшой стальной кейс. Он не вошел, а швырнул его на край моего стола.

Кейс приземлился с глухим стуком, от которого вздрогнула чернильница.

— Боссу нужно знать их слабые места, — безэмоционально произнес он. — Три букмекера из Вест-Сайда. Финнеган, О'Райли и Беппе. Босс хочет их территории. Изучи хотя бы одного.

Я не притронулась к кейсу.

— Я бухгалтер, Рико. Я работаю с дебетом и кредитом.

Рико наклонился вперед, упираясь кулаками в столешницу. Его тень полностью накрыла меня.

— Ты работаешь на босса. А боссу нужно это. Сделай так, чтобы к вечеру эти люди забыли, что такое сон.

Он ушел так же внезапно, как и появился, оставив после себя запах дешевого табака и тяжелую тишину.

Я открыла кейс. Внутри лежали не финансовые отчеты. Там были их данные и фотографии: семья Финнегана на пикнике; жена О'Райли у витрины магазина; дети Беппе, играющие в стикбол на пустыре.

Это была проверка на прочность, о которой предупреждал Том. Я не могла организовать слежку — это выдало бы мою полную некомпетентность в делах мафии. Но и послушаться прямого приказа Винсента было равносильно самоубийству.

Решение пришло из глубин моего собственного прошлого — из мира сухих цифр и идеального баланса. Я не буду искать их страхи в реальной жизни. Я найду их в финансовой.

Четыре часа спустя я сидела, окруженная горами пыльных гроссбухов и папок с пометкой «САУДСАЙД». Миссис Хиггинс бросала на меня ядовитые взгляды из-под толстых линз очков, но мне было все равно. Я искала не цифры прибыли или убытков.

Я искала аномалии.

И я нашла их. Джеймс «Костяшка» Финнеган был аккуратным человеком. Его доходы от тотализатора были грязными, но он тратил их на поддержание образа уважаемого гражданина. Он платил за дом в Оук-Парке наличными, но все коммунальные услуги и медицинские счета оплачивались строго через банк с его легального счета. Именно там я и нашла зацепку.

В выписках за последние три года регулярно повторялся один и тот же платеж: «Гленкоу Хоспитал», суммой в две тысячи четыреста долларов ежеквартально. Получатель Мэри Финнеган. Счет был открыт на ее имя. Это была не разовая операция. Это была система.

Кто-то в семье Финнегана был серьезно и хронически болен. Мне не нужно было знать диагноз. Мне было достаточно цифр: регулярность платежа говорила о дорогостоящем лечении

или поддерживающей терапии. Угрожать сломать ему пальцы это шумно и грязно. Угрожать здоровью его жены это уже тихо и эффективно.

Он сам приползет к мистеру Корелли просить о защите или одолжении.

Я выписала данные на один-единственный листок бумаги: имя клиники, номер счета, получатель и дату следующего платежа.

Вечером Рико вернулся за кейсом. Я стояла у окна своего кабинета и смотрела на реку Чикаго, которая казалась сегодня густой и черной, как деготь.

— Босс ждет, — буркнул Рико.

На столе рядом с пустым кейсом лежал листок бумаги. Рико взял его двумя пальцами, словно боялся испачкаться.

— Что это?

— Слабое место Джеймса «Костяшки» Финнегана, — спокойно ответила я, не оборачиваясь. — Платеж за следующий квартал в «Гленкоу Хоспитал». Счет открыт на имя его жены Мэри. Сумма две тысячи четыреста долларов за курс лечения.

Рико долго молчал, изучая цифры.

— И что мне с этим делать?

— Отдать боссу... — я наконец повернулась к нему. Мои глаза сверкнули холодным блеском полированной стали.

Рико хмыкнул, звук этот всегда походил на скрежет гравия под тяжелым ботинком.

— Ну... я передам.

Он ушел, забрав пустой кейс и листок с цифрами. Я осталась одна. Я спасла свою шкуру не силой или хитростью уличного бойца, а своим главным оружием — умом. Но цена этого спасения была ужасающей: я только что выдала гангстерам самый страшный секрет чужой семьи.

*****

Винсент стоял у панорамного окна своего кабинета и смотрел на город. Для него Чикаго был не зверем и не пьяницей, а гигантским механизмом, шестеренки которого иногда заедали от ржавчины и человеческого фактора. Его раздражала эта неэффективность.

Дверь кабинета открылась без стука. Вошел Рико. Он молча положил на стол перед боссом стальной кейс и тот самый листок бумаги, который я оставила для него.

Корелли даже не взглянул на кейс. Он взял листок, пробежал по нему взглядом и медленно опустился в свое кресло. Его лицо оставалось непроницаемым, но в серых глазах мелькнул холодный огонек интереса.

— Это всё? — его голос был тихим, но в просторном кабинете он прозвучал отчетливо.

— Да, босс. Она сказала... это чистое решение.

Корелли медленно поднял взгляд на своего помощника. Уголок его губ едва заметно дернулся вверх. Это нельзя было назвать улыбкой, скорее это было одобрительное движение лицевых мышц хищника.

— Чистое? — переспросил он, словно пробуя слово на вкус.

Он снова посмотрел на листок с цифрами. Никаких следов насилия, никаких улик для полиции, никаких открытых конфликтов. Просто финансовый рычаг. Механика.

— Да, босс.

— Хорошо, Рико. Можешь идти.

Когда помощник вышел, Винсент откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы в замок на затылке. Он смотрел на листок бумаги так, как коллекционер смотрит на редкий экземпляр бабочки, только что добавленный в его коллекцию. Сочетание холодного интеллекта и абсолютной безжалостности было редким качеством. И оно его впечатлило.

*****

Остаток дня прошел как в тумане из цифр и графиков прачечных. Ближе к вечеру мне понадобились архивные данные по контрактам Миллера-младшего — той самой семи миллионной дыре в бюджете Миллера-младшего, с которой всё началось. Данные должны были храниться у миссис Хиггинс.

Я вышла из своего кабинета и направилась к столу матриарха бухгалтерии через весь зал.
— Миссис Хиггинс? Мне нужны оригиналы контрактов по поставкам за 1928 год для сверки с текущими платежами.

Миссис Хиггинс даже не подняла головы от своего арифмометра «Рейнметалл». Ее пальцы продолжали методично щелкать рычажками с механической точностью робота.

— В архиве всё по порядку сложено по годам. Ищите сами.

Это было прямое неповиновение начальнику перед лицом всего коллектива.

— Я ваш руководитель, миссис Хиггинс. И я прошу вас выполнить вашу работу.

В зале повисла абсолютная тишина. Даже стук клавиш прекратился. Все взгляды были прикованы к этой сцене немого противостояния. Хиггинс медленно подняла голову. Ее глаза за толстыми линзами очков горели ярким янтарем.

— Руководитель? Вы? Девочка из Майами? Вы здесь никто без рекомендации босса. А рекомендация может быть отозвана так же быстро как я могу чисто случайно пролить кофе на эти контракты через пять минут после того, как вы их получите.

Я почувствовала ледяной укол страха где-то под ребрами, но заставила себя стоять прямо. Я посмотрела прямо в глаза старой ведьме и произнесла тихо, но так, чтобы услышали все:

— Если вы это сделаете... мистер Корелли узнает не о том, какие документы я просила... а о том, почему вы мне отказали.

Это был блеф чистой воды. Но он сработал.

Миссис Хиггинс побледнела так сильно, что стали видны синие прожилки вен у нее на висках. Она поняла: эта новая девочка знает правила игры лучше нее самой. Знает главное правило этого мира: инициатива наказуема не только исполнением.

Старуха молча встала, ее суставы хрустнули на весь кабинет, прошаркала к архивному шкафу у дальней стены и вернулась через минуту с толстой папкой в руках. Она не протянула ее мне, она с грохотом швырнула папку мне на стол со своего места через три ряда столов.

— Держите свою папку мисс Валенсиано.

Я взяла папку кончиками пальцев, кивнула и вернулась в свой кабинет под гробовое молчание коллектива. Я выиграла эту битву тактически. Но стратегически я только что нажила себе смертельного врага в лице главного бухгалтера картеля.

Вечером напряжение стало невыносимым. Мне нужен был глоток воды из кулера у приемной Винсента Корелли. Подойдя ближе к приоткрытой двери приемной к самой массивной дубовой двери с латунной табличкой я замерла от звука доносящегося изнутри смеха, высокого женского хихиканья секретарши Дороти.

Я осторожно заглянула внутрь через щель между дверью и косяком.

Винсент Корелли стоял у стойки ресепшена лицом ко мне, но его внимание было приковано к Дороти, которая сегодня была одета в блузку с вырезом чуть глубже обычного. Он нависал над ней, одной рукой опираясь о столешницу красного дерева у нее за спиной, полностью доминируя в пространстве своей аурой власти. Дороти щебетала ему на ухо какой-то офисный анекдот про курьера-неудачника и тихо хихикала после каждой фразы этого глупого рассказа:

— ...и тогда он говорит: «Но мистер Моретти сказал» Ой! Мистер Корелли! Простите!

В этот момент Корелли поднял взгляд от лица своей секретарши и посмотрел прямо сквозь дверной проем, туда где в тени коридора стояла я. Он не отстранился от девушки. Он не сделал вид что ничего не происходит. Он просто смотрел на меня через пространство приемной своим тяжелым сканирующим взглядом хищника через прицел винтовки с оптикой.

А затем он сделал то, от чего у меня внутри все сжалось, а сердце пропустило удар. Не отрывая взгляда от меня, он медленно поднял свободную руку и провел костяшками пальцев по щеке Дороти. Такой жест собственника небрежный и властный.

В этот момент я испытала не ревность и не отвращение к этому странному жесту. Меня сковал первобытный ужас пойманного в ловушку животного.

Этот жест был для меня не проявлением интимности между боссом и секретаршей. Это было сообщение для меня.

Его взгляд в этот момент говорил яснее любых слов «Смотри внимательно Видишь? Я беру все что мне принадлежит»

Он пометил свою территорию прямо у меня на глазах, демонстрируя право владения и наслаждаясь моей реакцией или моим бездействием. Он показывал мне мое будущее место в его иерархии, не руководитель по финансам в его бизнесе, а красивая вещь для утех и демонстрации статуса. Тот же статус что и у этой куклы Дороти.

Я заставила себя не отводить взгляд первой. Несколько секунд смотрела не моргая, а потом просто развернулась на каблуках своих новых туфель от «Лобб» и вернулась в свой кабинет, так быстро и бесшумно как только могла, чувствуя его тяжелый взгляд между лопаток, до тех пор пока дверь моего кабинета не закрылась за мной с мягким щелчком.

Уже вечером я стояла у окна, уставившись невидящим взглядом на проходящих людей которые идут по своим делам. В этот момент дверь снова открылась без стука

На пороге стоял Корелли

— Вы решили задачу нетривиальным способом Алисия?

Произнес он от двери даже не заходя внутрь. Он стоял в проеме высокий и неподвижный как статуя командора. Я вздрогнула от звука своего нового имени из его уст. Оно прозвучало интимно, опасно, собственнически.

— Я решила задачу эффективно Винсент... босс. Без лишнего шума и следов физического воздействия.

Ответила я ровным голосом поворачиваясь к нему лицом. Моя спина была прямой как струна хотя, внутри все кричало от напряжения.

Он наконец шагнул в кабинет, закрыв за собой дверь одним плавным движением. Винсент подошел ко мне почти вплотную, остановившись всего в паре шагов. Его высокая фигура теперь отбрасывала тень, которая казалось затмевала весь свет из окна. Температура в комнате казалось упала на несколько градусов.

— Мне нравится это слово. Эффективно

Повторил он смакуя, тихо наклоняясь ко мне так, что его губы оказались почти у моего уха. Я чувствовала аромат его парфюма, терпкий запах дорогого табака, исходящий от его пиджака и едва уловимый металлический запах опасности, который казалось всегда окружал этого человека как аура

— Вы интересный экземпляр Алисия.

Произнес он еще тише, его дыхание коснулось мочки моего уха, отчего по спине пробежала волна мурашек которые никак не были связаны со страхом. Это было что-то иное, первобытное животное чувство опасности, смешанное с чем-то темным и запретным.

Он медленно выпрямился, разрывая эту невыносимую близость, но продолжая нависать надо мной своей тенью.

— Посмотрим. Продолжайте работу над схемой завтра же с утра. Я хочу увидеть финальный план реструктуризации через неделю. Назовем это «Проект Чистота».

Он развернулся так же стремительно, как хищник меняющий цель охоты и вышел, оставив после себя лишь легкий аромат табака, ощущение звенящей пустоты в ушах после оглушительного грома и бешено колотящееся сердце, которое никак не хотело успокаиваться.

Когда поздно вечером Рико вез меня домой в том же грубоподобном Кадиллаке, я смотрела на вечерний город сквозь тонированное стекло. Город уже зажег первые огни, но для меня он оставался серым пятном декорацией к фильму ужасов, где я играла главную роль.

— Странная ты Алисия. Босс так и ходит к тебе, не отправляя свою секретаршу... И уж точно никто кроме тебя не заставил еще старуху Хиггинс побелеть как мел.

Его слова повисли в воздухе, густые и тяжелые, как запах бензина пополам с озоном после грозы, которая так и не разразилась над городом.

— Я здесь работаю с цифрами Рико.

Отрезала я холодно, глядя прямо перед собой на затылок водителя. Мой голос звучал ровно, но костяшки пальцев сжимавших сумочку побелели.

Рико хрипло рассмеялся:

— Здесь все работают с цифрами куколка. Но выживают те, кто умеет читать между ними. Особенно когда босс смотрит так, как сегодня на тебя в приемной. А смотрит он так, только когда выбирает себе новую игрушку или новое оружие.

Он всё видел?

Его слова были прямым предупреждением?

Или просто констатацией факта?

Я предпочла промолчать. Машина неслась сквозь сгущающиеся сумерки Чикаго, оставляя позади серые небоскребы, которые казались мне сегодня надгробными памятниками моей прежней жизни...

Глава 5 Ржавчина на серебре

Месяц в «Эль Тигре» пролетел как один бесконечно длинный день, но результат стоил каждой бессонной ночи. Чикаго не изменился: он всё так же кутался в серое пальто тумана с озера, но мой мир обрёл чёткие грани кристаллической решётки. Хаос был укрощён. «Проект Чистота» работал как швейцарские часы.

Винсент Корелли больше не вызывал меня к себе. Теперь он сам заходил в мой кабинет. Иногда просто стоял у окна, наблюдая за работой моих пальцев над клавишами «Ундервуда». Иногда молча просматривал утренние сводки. Это было молчаливое одобрение. В его мире молчание стоило дороже слов. Он доверял мне свои деньги и тайны. И это доверие было опаснее любого револьвера.

Сегодняшний вечер не предвещал ничего особенного. За окном сгустились осенние сумерки. Я просматривала отчёт по клубу «Серая сова», когда дверь распахнулась без стука.

Винсент вошёл с бутылкой коньяка и двумя бокалами. В его движениях сквозила усталость не тела, а бремени абсолютной власти.

— Заканчивай. Сегодня ты работаешь до первой звезды.

Это было предложение партнёру.

— У меня отчёт... — начала я автоматически.

— К чёрту отчёт, птичка, — его голос прозвучал ближе, чем я ожидала.

Он последнюю неделю называл меня по-странно. В его устах оно звучало интимно и опасно.

— Если ты не можешь оторваться от цифр сейчас, значит, система выстроена неверно. Она пожирает тебя.

Я подняла голову. Тени под его глазами выдавали колоссальное напряжение. Он налил коньяк ровно на два пальца и подвинул бокал ко мне.

— Это «Хеннесси» 1915 года. Подарок от французского партнёра за деликатную услугу. Считай это бонусом за безупречную работу.

Я взяла бокал. Отказаться я не посмела. Тёплое стекло согрело ладонь. Напиток был божественным, он прокатился по горлу огненной рекой и разлился теплом в груди.

— За что выпьем?

— За порядок из хаоса, — ответил он, глядя мне прямо в глаза.

Мы выпили в тишине двух людей, понимающих друг друга без слов. Винсент отошёл к окну и закурил сигару. Запах дорогого табака смешался с ароматом коньяка.

— Ты никогда не рассказываешь о себе, — сказал он после долгой паузы, выпуская дым в потолок. — Кто такая Алисия Валенсиано на самом деле?

Вопрос был личным. Мы давно перешагнули черту босса и подчинённой.

— Я та, кем вы хотите меня видеть, Винсент. Если нужен стратег — я стратег.

Он усмехнулся горько:

— Ты архитектор. Ты строишь конструкции из лжи так искусно, что сам дьявол не нашёл бы шва в твоих отчётах.

Он шагнул из тени окна на свет моей лампы. В его взгляде больше не было холода оценщика. В нём было восхищение моим умом и что-то первобытное.

— Ты опасная женщина, Алисия.

— Я просто хорошо делаю свою работу.

— Нет! — он повысил голос лишь на полтона, но воздух наэлектризовался.

Он подошёл ближе и опёрся кулаком о мой стол.

— Ты играешь со мной на моём поле! И пока ты выигрываешь... Но я устал играть вслепую!

Его вопросы сыпались тяжёлыми камнями:

— Где ты училась?

— Я говорила...

— Нет! Кто учил тебя не оставлять следов? Ты помнишь суммы до цента, но путаешься в себе. Почему?

Мой фасад дал трещину.

— Я... я не помню... — прошептала я непроизвольно, роняя бокал на столик так резко, что коньяк выплеснулся через край. Рука дрожала. Это была ошибка.

Винсент замер. Его лицо стало жёстким до предела. Он в два шага преодолел расстояние между нами и поймал меня стальной хваткой за талию, другой рукой защищая затылок. Он прижал меня к себе так плотно, что я услышала бешеный стук его сердца через одежду.

— Дыши! — рявкнул он мне в ухо властно, выводя из ступора.

Когда приступ прошёл, он медленно опустил меня в кресло, продолжая держать за плечи. Его взгляд сканировал моё лицо с медицинской точностью.

— Что это было?

Я молчала. Перед глазами стояла картинка: сильные мужские руки спасают меня от падения...

Винсент выдохнул резко и зло, и так же внезапно отпустил меня, словно обжёгся. Он отошёл к окну, глядя вниз на огни города.

— Завтра мы едем по делам в Саут-Сайд. На встречу с поставщиками рома... Если не боишься. Это было испытание после моей слабости.

— Я поеду.

Он кивнул и достал из кармана узкий футляр.

— Твоя роль быть рядом, когда я этого хочу. Там будут люди Моретти, а если они есть, то всё должно быть идеальным. Они должны видеть, что ты неприкосновенна. Что ты принадлежишь мне. Цифры -это твой ум. А это

Он открыл футляр у меня перед глазами. Внутри на тёмном бархате лежало платиновое кольцо с огромным чёрным бриллиантом в центре. Камень был безжалостным, как и его хозяин.

— Повернись, — приказал он.

Я подчинилась. Почувствовала мимолётное тепло его пальцев на шее, когда он застёгивал замочек. Вес металла был ощутимым.

Это была не броня. Ошейник. Моё клеймо.

Винсент обошёл меня и встал прямо передо мной. Он не коснулся моей кожи. Вместо этого он медленно провёл кончиками пальцев по холодной грани камня в ямочке между моими ключицами. Этот отстранённый жест был интимнее любого поцелуя.

— Вот так... Теперь ты готова... Завтра в семь вечера жду на парковке.

Он затушил сигару и вышел так же стремительно, как вошёл с бутылкой коньяка наперевес.

Когда я вышла из небоскрёба через сорок минут, ночной Чикаго встретил меня ветром с озера Мичиган. Рико ждал у чёрного Кадиллака. Всю дорогу до дома я смотрела в окно невидящим взглядом.

Кадиллак остановился у подъезда. Рико открыл мне дверь.

Я вышла и замерла как вкопанная прямо посреди тротуара. У входа стоял человек в длинном тёмном пальто с поднятым воротником. Он курил сигарету, пряча огонёк в ладони от ветра. Даже со спины я узнала этот силуэт: прямая осанка Тома Харпера...

Сердце пропустило удар уже по другой причине: от страха быть раскрытой или от чего-то ещё?

Я медленно пошла к нему по заснеженному тротуару. Том обернулся ещё до того, как я подошла вплотную. В свете фонаря его лицо казалось высеченным из камня как ржавчина на серебре значка против абсолютной власти Корелли.

— Том? Что ты здесь делаешь? Это нарушение всех протоколов! Ты подставляешь операцию! — прошипела я яростным шёпотом, подходя вплотную к нему так близко, что могла бы почувствовать тепло его тела сквозь пальто.

Он затушил сигарету каблуком об асфальт с такой силой, что искры брызнули во все стороны. Затем посмотрел мне прямо в глаза своим сканирующим взглядом:

— Я ждал тебя час сорок семь минут... Я волновался.

Это было сказано так просто и искренне, что мой гнев испарился без следа быстрее дыма на ветру. Я вдруг почувствовала невероятную усталость от всего...

— С ума сошёл? Волновался? О чём? Я передала отчёты вчера! Всё идёт по плану! — перешла я в оборону.

Том сделал ещё один шаг ко мне:

— Я читал отчёты о твоём состоянии здоровья от наружного наблюдения за зданием Корелли сегодня вечером... Ты вышла из его кабинета бледная как смерть через час после встречи с бутылкой коньяка! Что там произошло?

Я отвела взгляд:

— Ничего особенного... Мы обсуждали личные дела за бокалом коньяка...

Том горько усмехнулся:

— Обсуждали дела? С Корелли? Личные? Алисия... ты играешь с огнём! Этот человек не пьёт коньяк с бухгалтерами! Он пьёт кровь своих врагов!

В его голосе прорвались эмоции: глухая ярость смешалась с отчаянием человека, который видит катастрофу впереди поезда, но ничего не может сделать. Я посмотрела на него другими глазами... Я видела мужчину на ледяном ветру только потому, что не мог усидеть на месте от тревоги за меня. И этот факт пугал меня больше всего остального.

— Ты не прав...

Я протянула руку и коснулась его рукава пальто инстинктивно ища опору. Том замер. Он медленно опустил взгляд на свою руку под моей ладонью а затем посмотрел мне в глаза.

Наш диалог прервался. Наконец.

Том накрыл мою руку своей ладонью поверх рукава своего пальто. В этом прикосновении было простое человеческое тепло. Он убрал свою руку так же быстро словно обжёгся или вспомнил о дистанции:

— Ты выглядишь выжатый как лимон... Как ты себя чувствуешь? На самом деле?

Я закрыла глаза на секунду.

Как я себя чувствую? Внутри меня шла война между двумя мирами: миром ледяного порядка Винсента, где я сегодня пережила приступ паники у него на руках и миром Тома Харпера, который сейчас предлагал мне простое человеческое сочувствие...

Я открыла глаза:

— Я просто устала... Но я справляюсь...

Том долго смотрел мне в глаза. В этом взгляде читалась боль, бессилие и что-то очень личное.

Он ничего больше не сказал.

Он развернулся и пошёл прочь растворившись в темноте.

Я смотрела ему вслед. Моё сердце колотилось быстро-быстро... Но теперь оно стучало в такт двум разным ритмам двух разных мужчин: ледяному пульсу Винсента Корелли и неровному ритму Тома Харпера. И этот диссонанс внутри неё был страшнее любой пули.

Глава 6 Саут-Сайдский блюз

Утро двадцатого октября выдалось серым и промозглым, как и положено в Чикаго. Небо над Лупом было низким, свинцовым. Казалось, оно вот-вот рухнет на крыши небоскрёбов.

Я стояла посреди своей квартиры, глядя на разложенное на кровати платье. Внутри росла холодная, звенящая пустота.

Это был не страх. Это было предвкушение.

Вчера Винсент не просто предложил поехать с ним. Он бросил мне вызов: «Если ты не трусиха...».

Я была трусихой.

Но я была агентом полиции.

Сегодня мне предстояло сыграть роль не бухгалтера, а женщины Винсента Корелли.

Я провела рукой по гладкому бархату. Это был шедевр: тяжёлое, струящееся, с глубоким декольте-лодочкой и длинными рукавами. Идеальная броня для женщины мафиози.

Я собиралась методично, как настраивала сложный механизм. Шелковое бельё. Чулки со швом. Макияж: тёмно-серый карандаш для глаз и алая помада, цвет власти и опасности.

Последним штрихом стало кольцо. Платина и чёрный бриллиант. Камень был холодным, как лёд на озере Мичиган.

В семь вечера я спустилась в гараж. Винсент ждал у своей *Alfa Romeo*. В руках — стакан с чёрным кофе.

Его взгляд прошёлся по мне снизу вверх и замер на лице. Оценка. Одобрение.

— Ты выглядишь... уместно птичка.

— Спасибо за платье и кольцо, Винсент.

— Это не подарок. Это инвестиция. Сегодня ты — моё публичное заявление.

Я села в машину, кожей чувствуя его взгляд.

— И помни наш уговор, — продолжил он, садясь за руль и заводя мотор.

Машина рванула с места с утробным рыком.

— Ты молчишь. Ты киваешь. Ты улыбаешься от моей улыбки. Ты не задаёшь вопросов.

Если я скажу тебе выпить ты пьёшь. Если скажу уйти ты уходишь без единого слова.

— Я поняла.

— Нет, ты не поняла, — его голос стал тише и жёстче.

Он смотрел на дорогу перед собой, но говорил для неё одной.

— Там будут люди, которые за дозу героина или за сотню баксов перережут горло собственной матери. Они будут смотреть на тебя как на кусок мяса или как на трофей босса «Эль Тигре». Ты должна быть холоднее льда. Ты должна быть моей тенью. Он повернулся к ней на секунду, и его взгляд был ледяным. — Если ты покажешь страх или слабость... я не смогу тебя защитить.

Клуб «Чёрный бархат» располагался в подвале заброшенного завода в Саут-Сайде. Воздух был густым от дешёвого джина, пота и приторно-сладкого запаха опиума. Грохот джаз-бэнда отдавался вибрацией в полу.

Мы вошли через чёрный ход. Тишина расплзлась по залу, как нефтяное пятно. Винсент шёл сквозь толпу так, будто её не существовало. Люди расступались перед нами.

За центральным столом сидел дон Сальваторе.

— Корелли! Красивая сучка. Трахнул уже?

Винсент даже не моргнул. Он лишь крепче сжал мою руку.

— Сальваторе. Выбирай выражения.

Вечер тянулся мучительно долго. Я кивала в нужных местах разговора о поставках рома через Детройтский канал.

А потом дверь клуба с грохотом распахнулась. Внутри ворвались ирландцы из Норт-Сайда во главе с Микки О'Ши. Он направил револьвер на Сальваторе:

— Где мои деньги?!

Зал взорвался паникой. Телохранитель Сальваторе потянулся за пистолетом.

Винсент среагировал быстрее всех.

— Всем стоять! — его голос прогремел как удар хлыста.

Он вскочил одним плавным движением и задвинул меня себе за спину так резко, что я едва удержалась на ногах от толчка его тела.

— Алисия, не высовывайся, — прошипел он только мне.

Винсент сделал шаг вперёд, полностью закрывая меня собой.

— О'Ши! Ты нарушаешь нейтралитет «Эль Тигре». Опустит пушку!

— Мне плевать! Он должен мне сто тысяч!

— Я заплачу его долг! Сто тысяч сейчас же! Но ты выйдешь отсюда живым только потому, что я сегодня в хорошем настроении!

Винсент показал в сторону стола, там лежал небольшой чемодан, в нем по видимому были деньги.

Это было безумие. Я видела всё из-за его плеча: как сверкнули глаза О'Ши, как Сальваторе спрятался за какой-то девицей. Чувствовала как напряглась спина Винсента под костюмом, как сжались его кулаки.

Он рисковал собой ради меня?

Не может быть.

Или ради сохранения мира?

Это более правдоподобно.

Хотя всё это сейчас не имело значения. Он стоял между мной и дулом револьвера.

О'Ши оскалился:

— А что я буду должен тебе?

— Ничего! Считай это... жестом доброй воли к новому партнерству между нашими семьями! А теперь убирайся отсюда к чертовой матери!

Ирландец еще секунду смотрел на него волком, потом сплюнул на грязный пол и опустил оружие.

— В расчете! Но это последний раз!

Они ушли так же быстро, как и появились. Дверь захлопнулась с грохотом выстрела.

В клубе повисла звенящая тишина.

Сальваторе вылез из-под девушки и вытер пот со лба шелковым платком: — Корелли... Я твой должник...

Винсент ничего не ответил. Он медленно повернулся ко мне. Его глаза были дикими от адреналина, но взгляд мгновенно смягчился при виде моего бледного лица.

— Ну-ну, — тихо сказал он мне, заметив, что тело бьет мелкая дрожь — всё закончилось, всё в порядке.

— А ты! — с гневом Винсент повернулся к Сальваторе, — Мы с тобой поговорим уже на моей территории!

Он молча взял меня за руку и потащил прочь из этого водоворота обратно к машине у входа в переулок.

Мы ехали обратно в полной тишине около двадцати минут. Я смотрела на профиль Винсента: на сжатые челюсти, на пульсирующую жилку на виске. Когда мы поднялись обратно в пентхаус, он молча провел меня через приемную мимо удивленной секретарши прямо в свой кабинет. Закрыл дверь на замок изнутри.

Кабинет встретил нас запахом кожи и табака. Винсент прошёл к бару и налил два стакана чистого бурбона. Один он протянул мне дрожащей рукой. Мы выпили в тишине.

Винсент подошёл ко мне на расстоянии вытянутой руки. Его серые глаза были тёмными штормовыми тучами над озером перед бурей.

— Ты... ты спас меня? — прошептала я хрипло от алкоголя и ужаса. Он усмехнулся уголком губ:

— Я спас сделку ценой ста тысяч... И свою репутацию... И тебя... Да

Один шаг и пространство между нами перестало существовать. Его рука поймала моё лицо. Большой палец лёг под подбородок, поднимая его вверх — не прося, не спрашивая.

Не прося, не спрашивая, это был не поцелуй.

Это скорее похоже на то как закрывается капкан.

Его губы были горячими от бурбона и адреналина, от всего напряжения этого вечера — от чужого оружия, от запаха опасности, от того, как он стоял между мной и дулом револьвера и не моргнул ни разу. Он поцеловал меня жёстко, глубоко, его язык ворвался в мой рот без предупреждения, а зубы прикусили нижнюю губу, резко, болезненно. Одна рука сжала затылок, пальцы вплелись в волосы и потянули назад — не грубо, но с той уверенностью, которая хуже грубости.

Просто давая понять: он решает, куда смотреть.

Я должна была оттолкнуть его.

Должна была вспомнить о Томе. О задании. О том, кто я и зачем я здесь.

Вместо этого я ответила.

Ответила с той же первобытной страстью, которая кипела во мне весь этот вечер — с того момента, как он задвинул меня за спину и его тело встало между мной и смертью.

Я схватила его за рубашку и притянула к себе сама. Почувствовала, как он улыбнулся. Едва заметно, одним углом рта, прямо напротив моих губ. Как человек, который знал, что так будет. Который знал это раньше меня.

Потом он оторвался — резко, лишая меня воздуха. И развернул меня лицом к стене.

Не спросил. Не предупредил. Его руки просто взяли меня и поставили так, как ему было нужно, с той же естественностью, с которой переставляют вещь на полке. Моя щека прижалась к холодной поверхности. Потом грудь.

Я успела сделать один вдох, прежде чем он оказался вплотную сзади и прижал меня всем телом. Его возбуждение упиралось в мои ягодицы — твёрдое, горячее. Он не скрывал. Ни чего хочет, ни того, что намерен взять.

Одной рукой он поймал мои запястья и поднял их над головой, прижимая к стене. Намертво. Я дёрнулась, а его хватка только усилилась.

— Не надо, — произнёс он тихо, губы у самого уха. Голос был низким, совершенно ровным. И именно эта ровность была страшнее любой ярости. — Ты не уйдёшь, Алисия.

Свободная рука скользнула под платье.

— Расслабься,

Он не торопился. Вот что было невыносимо — его полная, абсолютная неторопливость. Словно у него было всё время мира. Словно он уже знал, чем это закончится, и единственное, что ему оставалось — наслаждаться процессом. Ладонь медленно прошла по внутренней стороне бедра, вверх, и пальцы легли на ткань тонкого белья.

Он провёл по центру — один раз, медленно и уверенно. И почувствовал.

Пауза. Потом тихий, тёмный звук у него в горле.

— Уже готова, — произнёс он.

Не торжествуя. Просто как констатацию факта. Как человек, который получил подтверждение тому, что и так знал.

— Вот как.

Стыд вспыхнул во мне острее, чем всё остальное. Потому что он был прав. Потому что тело предало меня раньше, чем он прикоснулся. Может быть, ещё в тот момент, когда его спина напряглась передо мной в темноте клуба и он закрыл меня собой от чужого оружия.

Я попыталась сжать ноги.

Его колено тут же вклинилось между моих бёдер. Раздвинул. Держал. Давая мне почувствовать, что это тоже его решение — когда я открыта, а когда нет.

Пальцы сдвинули ткань в сторону и вошли в меня глубоко, резко, с первого движения.

Я выдохнула. Непроизвольно.

Он начал двигать ими — жёстко, глубоко, в ритме, который выбрал сам, и одновременно большой палец лёг на клитор. Медленно. Круговыми движениями. С давлением, которое нарастало и не давало ни отдышаться, ни собраться.

Моё тело начало реагировать помимо воли. Бёдра чуть подались назад. Он почувствовал это сразу и прижался ко мне плотнее, его член упирался в меня сзади, пока пальцы продолжали своё.

— Винсент... — выдохнула я. — Подожди...

— Я мог бы остановиться, — произнёс он тихо, не прекращая двигать пальцами. — Если ты скажешь «нет».

Пауза.

— Скажи «нет», птичка.

Я открыла рот.

И не смогла.

Не потому что он не дал. Потому что где-то между страхом и тем, что делали его руки, граница стёрлась и я уже не знала, чего хочу сама.

Он это знал. Я была уверена, он это знал с самого начала. Именно для этого он и спросил.

— Вот видишь, — сказал он. В его голосе была почти нежность. Почти забота. — Ты просто ещё не поняла, чего хочешь. Я помогу тебе разобраться.

Свободная рука поднялась к груди. Он стянул чашечку лифчика и сжал ладонью, пальцы нашли сосок и защемили достаточно сильно, чтобы я дёрнулась и непроизвольно прижалась к нему ещё плотнее. Он поймал это движение сразу.

— Вот так, — тихо произнёс он. — Именно так.

Не как похвала. Как подтверждение. Как человек, который ставит галочку в списке.

Его пальцы внутри меня не останавливались. Он добавил третий, медленно, давая мне почувствовать каждый сантиметр. Бёдра предательски подались назад. Он прижался ко мне сильнее и сделал медленное движение бёдрами. Его член скользил по ткани брюк вдоль моей ягодицы, намеренно, давая мне понять, что он сдерживается. Что это его выбор. Пока.

— Я всегда знал, что ты будешь именно такой, — произнёс он. — С самого первого дня. Ты думала, что изучаешь меня. А я изучал тебя.

Наклонился и прикусил кожу на шее в том месте, где потом останется след. Потом провёл языком по прикушенному месту, медленно, словно пробуя на вкус.

Эти слова упали в темноту между нами.

Он говорил так, как говорит человек, который давно расставил все фигуры на доске. Который не завоёвывает — который забирает. И в его голосе не было ни капли шутки, ни капли сомнения. Только та спокойная, тотальная уверенность человека, для которого это уже свершившийся факт.

Именно тогда меня накрыло по-настоящему.

Не страх от его рук. Не страх от его силы. Страх от того, что я это слышу, а тело моё не сопротивляется. Что оно идёт к краю именно так, как он запланировал. Что я была готова. Что ещё немного и я бы не остановилась сама.

Я повернула голову. Насколько позволяла его рука.

Посмотрела на него.

В его глазах не было потери контроля. Не было страсти, которая смела бы всё на своём пути. Была абсолютная, спокойная уверенность человека, который делает именно то, что запланировал. Который получает именно то, что решил получить. И это было красиво, чертовски красиво, и именно это было страшнее всего.

Потому что я видела это. И всё равно хотела.

Винсент замер.

Его пальцы застыли внутри меня в самый невыносимый момент, когда тело уже стояло на краю. Дыхание было тяжёлым, горячим у моего виска. Он смотрел на моё лицо долго — на желание и на страх, неотделимые друг от друга. На то, как близко я была.

Потом он медленно вытащил пальцы.

Отпустил запястья.

Сделал шаг назад.

Холод ударил мгновенно. Я осталась стоять у стены — платье задрано, дыхание сбито, руки дрожат. Между ног пульсировало остро и незавершённо, каждый удар сердца отзывался там горько, невыносимо. Я была на краю. Он знал это. Он видел это.

И остановился.

Намеренно.

Винсент достал белоснежный платок и аккуратно вытер пальцы — медленно, методично, сложил и убрал в карман. Взял сигару. Закурил, не глядя на меня. Голос, когда он заговорил, был совершенно ровным. Деловым. Как будто за последние несколько минут не произошло ровным счётом ничего.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Не сегодня.

Пауза.

Он наклонился к моему уху, близко, очень близко и произнёс почти шёпотом, без возбуждения, без торопливости. С той спокойной уверенностью, которая была страшнее любой угрозы:

— Но недолго ждать осталось. Ты уже знаешь это сама.

Он отошёл к столу. Его фасад восстанавливался на глазах — каждая пуговица, каждая складка, каждый жест возвращал его обратно в того человека, которого видел весь остальной мир. Я смотрела на его спину и думала, что ненавижу его. За то, что остановился именно тогда. За то, что сделал это намеренно — довёл до края и отступил, чтобы я чувствовала это. Чтобы помнила.

Это было не великодушие.

Это был контроль.

— Собирай вещи, — бросил он сухо, глядя куда-то поверх моего плеча.

— Что? Какие вещи?

— Все свои вещи из своей квартиры. Ты переезжаешь сюда. Рико уже подготовил апартаменты рядом с твоим кабинетом. Там есть гардеробная с твоими новыми платьями и драгоценностями.

Эгоистичная часть меня взбунтовалась: удушающе, пугающе...

Но эта вспышка эмоций была тут же подавлена холодной мыслью аналитика: это идеальный наблюдательный пункт.

— Понимаю, — наконец произнесла я ровным голосом. — Это... эффективно.

Винсент внимательно изучал моё лицо:

— Располагайся птичка. Завтра в восемь будь готова выйти со мной к машине.

Я забрав ключ и кивнув, вышла из кабинета. Щеки горели, но руки уже не дрожали.

Апартаменты встретили меня идеальной тишиной и стерильной роскошью ар-деко. Я подошла к окну и посмотрела на размытые огни города внизу.

Я подошла к окну и посмотрела на размытые огни города внизу.

«Ты моя», — сказал он, прижимая к стене своего кабинета. И доказал это заперев меня здесь, окружив своими вещами, своими правилами...

Я выдохнула, стягивая с пальцев кольца через ткань платья. Моя первая задача на завтра — проверить толщину стен между этой квартирой и его кабинетом...

Глава 7 Эхо в пустом кабинете

На следующее утро будильник настойчиво уверял, что я живая.

Ночь была тяжёлой и вязкой. Я просыпалась несколько раз, лежала в темноте чужой комнаты и снова проваливалась обратно в то же самое.

Тело напомнило о себе раньше, чем проснулся разум.

Между ног тянула горячая пульсация — тупая, настойчивая, незавершённая. Я сжала бёдра. Стало только острее.

Я лежала неподвижно с закрытыми глазами.

Его руки на запястьях. Холодная стена под щекой. Его тело сзади, такое тяжёлое, горячее и то, как он медленно двигал бёдрами, просто давая почувствовать. Не торопясь. Зная, что никуда я не денусь.

Его пальцы под платьем.

«Уже» — низкий, хриплый голос в тишине кабинета.

От одного воспоминания стало влажно.

Я выдохнула и не стала себя останавливать. Рука скользнула вниз, под ткань ночной рубашки, под тонкие трусики. Пальцы легко нашли нужное место, и я начала медленно, в том ритме, который моё тело запомнило.

Вторая рука поднялась к груди. Сжала сосок. Вспомнила, как это сделал он — без предупреждения, уверенно, зная точно, где больше и лучше одновременно.

А потом я позволила себе то, чего не позволяла ночью.

Я представила, как он не остановился.

Не отступил. Не убрал руку. Не произнёс это своё холодное *«не сегодня»*.

В моей фантазии его пальцы не застыли.

Они продолжили двигаться глубже, жёстче, в том же безжалостном ритме, пока я не перестала бы сдерживать звуки. Пока он не почувствовал, как я сжалась вокруг них, как бёдра начали двигаться сами, предавая меня окончательно. Он бы это заметил. И тогда вытащил бы пальцы резко, не давая мне добраться до края.

Я услышала бы, как расстёгивается его ремень. Потом его рука рванула бы трусики в сторону одним движением, не снимая и холодный воздух коснулся бы меня на секунду раньше, чем он вошёл.

Резко. Глубоко. До конца.

Я бы вскрикнула. Он бы не остановился.

Он двигался бы жёстко. Глубоко. В своём ритме — не в моём, никогда не в моём.

Его рука скользнула бы с бедра вперёд, между моих ног и пальцы легли бы на клитор прямо в такт его движениям. Медленно. С давлением. Прямо как я сейчас себя ласкаю. И тогда я поняла бы, что он не просто берёт, он хочет, чтобы я кончила именно так. Прижатая к стене, без возможности двигаться, с его именем на губах, которое я бы не смогла не произнести.

Это было бы его победой. Полной. Окончательной.

Пальцы задвигались быстрее.

Я боялась его. Боялась его спокойствия, его уверенности, того, что он говорил всё это всерьёз. И именно это заводило сильнее всего.

«Недолго ждать осталось».

Я прикусила губу до боли.

Кончила резко, тихо, сдавленно, бёдра дрогнули и застыли. Волна прошла через всё тело и схлынула.

Но напряжение не ушло. Осталось что-то тёмное, не физическое.

Я убрала руку. Несколько секунд просто лежала, глядя в потолок — чужой, идеальный, его — и чувствовала, как по щекам разливается жгучий стыд.

Не за фантазию.

За то, что в ней не было ничего, чего я бы не хотела на самом деле.

Будильник снова напомнил о себе.

Семь тридцать.

Я встала. Прошла в ванную. Включила холодную воду и встала под неё, пока дрожь в теле не стала просто дрожью от холода.

После того, как оделась, подошла к зеркалу.

На шее, там, где его зубы касались кожи, виднелись два крошечных синяка. Я долго смотрела на них, потом взяла самый высокий воротник, который смогла найти, и поверх его еще повязала поверх шёлковый платок. Последняя линия обороны старой Элис Грейсон, пытающейся выстроить вокруг себя крепостную стену из шёлка и дисциплины.

Первая задача, это перестать слышать его голос каждый раз, когда закрываю глаза.

На работу я пришла раньше всех.

Кабинет встретил меня привычным гулом вентиляции и тихим стуком настенных часов. Я попыталась погрузиться в работу, цифры были понятны, уравнения сходились, и в мире дебета и кредита не было места для иррациональных желаний и собственнических инстинктов босса.

Но мир за пределами моего стола не собирался оставлять меня в покое.

Первым был Рико. Он всегда проходил мимо меня как ожившая статуя. Сегодня замедлил шаг и коротко кивнул — с тем, что для него было равносильно отданию чести. Он признал не меня. Он признал следы на моей шее, выглядывающие из под воротника и то, кому они принадлежали. Я кивнула в ответ и отвернулась.

Потом была Марта из отдела кадров, она столкнулась со мной у кулера и расплескала воду себе на юбку.

— П-простите, мисс Валенсиано...

В этот момент она смотрела сквозь меня. Я обернулась. В конце коридора стоял Винсент, он прислонился плечом к косяку, курил и смотрел в мою сторону. Непроницаемое лицо. Тёмные огоньки в серых глазах.

Я отвернулась первой.

Весь день я ощущала его присутствие краем зрения. Он не заходил, но каждый раз, когда я выходила в коридор, он оказывался где-то неподалёку — у окна, у стойки, в дальнем конце холла. Всегда чуть в стороне. Всегда будто бы занятый чем-то другим.

Но я чувствовала, что он знает, где я нахожусь. Всегда.

Миссис Хаггинс была в своём репертуаре.

— Мисс Валенсиано, — протянула она, когда я проходила мимо, — вы тут обязаны работать, а не прохлаждаться, когда взбредёт.

— Следите за собой, — ответила я не останавливаясь. — Хотя я тоже за вами слежу.

И хмыкнув проскользнула в свой кабинет.

После обеда я обнаружила орхидею.

Белая, в тонком хрустальном флаконе. Дорогая. Неуместная. К стеблю прикреплена карточка из плотной кремовой бумаги и одно слово каллиграфическим почерком с сильным нажимом.

«Моя».

Я долго смотрела на неё.

Потом вспомнила его пальцы. Как он методично вытирал их о белоснежный платок. Так спокойно и привычно, как вытирают что-то незначительное.

Я взяла флакон, вышла в коридор и опустила его в мусорную корзину у стены. Без злости. Просто поставила и вернулась за стол.

Он зашёл ближе к вечеру, когда этаж уже почти опустел.

Не постучал, просто открыл дверь и вошёл не спеша, как в собственный кабинет. Остановился у порога, окинул взглядом комнату. Его взгляд задержался на пустом краю стола ровно на секунду и вернулся ко мне.

— Как прошло утро? — спросил он. Голос ровный. Почти светский.

— Продуктивно.

— Новая квартира удобна?

— Вполне.

Он медленно подошёл к столу. Остановился напротив. Снова посмотрел на пустое место, туда, где утром стоял флакон, и поднял глаза на меня.

— Орхидея не понравилась.

Я отложила ручку и посмотрела на него.

— Орхидея была красивой.

Краем взгляда я заметила белый уголок, аккуратно выглядывающий из кармана его пиджака. Белоснежный. Идеально сложенный. В голове мелькнули его пальцы, методичное движение — складывает, убирает.

Я подняла глаза на него.

— Просто с недавнего времени у меня аллергия на белый цвет.

Его взгляд скользнул туда, куда был направлен мой — к карману. К белому краешку платка. Секунда. Он всё понял.

Вот тут он дёрнулся.

Едва заметно, совсем чуть-чуть, что-то острое мелькнуло в серых глазах. Не гнев. Понимание. Именно то понимание, которого я и добивалась. Он совладал с этим мгновенно, лицо снова стало непроницаемым, но я видела. Я успела увидеть.

И мне не следовало чувствовать от этого такого острого удовлетворения.

Пауза затянулась.

— Мне нужно сегодня вечером заехать за вещами, — сказала я, переворачивая страницу.
— Возьму такси. Рико не нужен.

— Нет.

— Это займёт пару часов, я останусь там.

— Нет.

Я подняла на него взгляд — спокойно, терпеливо.

— Винсент. Мне нужно доработать.

Он помолчал. Потом выпрямился, застегнул пуговицу пиджака — медленно, без спешки — и пошёл к двери.

— Рико отвезёт. В восемь. И обратно.

Почти вышел.

— Да, и ещё.

Он обернулся чуть-чуть, вполоборота.

— Тебе не идут высокие воротники, птичка.

Дверь закрылась тихо.

Я сидела неподвижно, глядя в бумаги перед собой. Цифры стояли на месте — ровные, понятные, абсолютно бессмысленные прямо сейчас.

Птичка.

Я взяла ручку. Положила обратно. Взяла снова.

Внутри всё кипело — тихо, методично, без выхода. Я злилась на платок. На орхидею. На его абсолютно непроницаемое лицо и на ту долю секунды, когда оно таким не было. На то, что я это заметила и обрадовалась. На то, что он ушёл последним с словом и прекрасно об этом знал. И особенно на то, что никакого высокого воротника сейчас на мне уже не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.